

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 13(0)
ББК 87.3(0)

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственный университет, доктор культурологии, профессор кафедры истории, философии и социальных технологий, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Комментарий как диалогическая мыслеформа: истоки и специфика (на основе комментариев В.В. Розанова к переводу «Метафизики» Аристотеля)

170-летию со дня рождения Василия Розанова посвящается

Аннотация. Рассматривается проблема специфики собственно комментария как особой мыслеформы. Выявляются особенности розановского комментария к «Метафизике» Аристотеля. Анализируется жанровая специфика комментария, его роль в современных социальных медиа при публикации книг, статей, эпистолярия, мемуаров, дневников в связи с коммуникативными процессами. Комментарии В.В. Розанова, помимо предисловия В.В. Биbihина к публикации «Метафизики» Аристотеля (2006 г.), внимания исследователей до сих пор не привлекали. Выявление специфики розановских комментариев позволяет уточнить их жанровую природу, а также их отличие от сносок и примечаний, что и определяет актуальность настоящего исследования. Основным материалом для исследования являются текст «Метафизики» Аристотеля в переводе П.Д. Первого и В.В. Розанова и розановские комментарии к этому труду древнегреческого философа. Выбранный для исследования материал потребовал адекватных методов, среди которых историко-культурный, герменевтический, диалектический, этимологический. Выявляются основные характеристики таких элементов текста, как сноски, примечания, комментарии, указываются их смысловые различия. Специальное внимание уделяется комментарию, его этимологии и содержательному наполнению. Использование герменевтического метода позволило выявить целый ряд особенностей розановских комментариев и сгруппировать их по типам в зависимости от предмета и способа комментирования. Проведенная типологизация позволила определить комментарии Розанова как диалогическую мыслеформу, органично включающую я-сознания комментатора, позволяющую не только пояснять, но и дополнять и развивать мысль Аристотеля, вступать с ним в диалог.

Ключевые слова: сноска, примечание, комментарий как диалогическая мыслеформа, герменевтика текста, семантико-философская типология, я-сознание, текст как часть историко-культурного контекста

Irina Anatolyevna Edoshina

Kostroma State University, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Russia, Kostroma, e-mail: tettiXgreek@yandex.ru

The Commentary as a Dialogic Thought-Form: origins and specifics (based on V.V. Rozanov's Commentaries on the Translation of Aristotle's «Metaphysics»)

Dedicated to 170th anniversary of the birth of Vasily Rozanov

Abstract. The article examines the problem of the specificity of the commentary proper as a special thought-form. The features of Rozanov's commentary on Aristotle's "Metaphysics" are identified. The genre-specific characteristics of the commentary are analyzed, as well as its role in modern social media during the publication of books, articles, epistolary writing, memoirs, and diaries, in connection with communicative processes. Apart from V.V. Bibikhin's preface to the 2006 publication of Aristotle's "Metaphysics", V.V. Rozanov's commentaries have not yet attracted the attention of researchers. Identifying the specific characteristics of Rozanov's commentaries makes it possible to clarify their genre nature and also their difference from footnotes and notes, which determines the relevance of the present study. The primary material for the study consists of the text of Aristotle's "Metaphysics" in the translation by P.D. Pervov and V.V. Rozanov and Rozanov's commentaries on this work of the ancient Greek philosopher. The material selected for the study required appropriate methods, including historical-cultural, hermeneutic, dialectical, and etymological approaches. The key characteristics of such text elements as footnotes, notes, and commentaries are identified, and their semantic distinctions are outlined. Special attention is paid to the commentary, its etymology, and its substantive content. The use of the hermeneutic method made it possible to identify a whole range of features of Rozanov's commentaries and to group them by type depending on the subject and the mode of commenting. The typology developed here made it possible to define Rozanov's commentaries as a dialogic thought-form that organically incorporates the I-consciousness of the commentator, allowing him not only to explain but also to supplement and develop Aristotle's thought and to enter into dialogue with him.

Key words: footnote, note, commentary as a dialogic thought-form, hermeneutics of the text, semantic-philosophical typology, I-consciousness, text as part of a historical-cultural context

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.3.096-113

И это было лучшее время жизни.
Павел Первов о работе с Василием Розановым
над «Метафизикой» Аристотеля

Текст как форма передачи человеческой мысли с помощью языка может снабжаться такими элементами, как сноски, примечания, комментарии. Из названного ряда самое бесспорное – сноска, которая определяется в качестве информационного дополнения (например, в польском языке – *przypisek*¹). Приме-

¹ См.: Stypuła R., Kowalowa G. Słownik Polsko-Rosyjski. Warszawa-Moskwa, 1975. S. 503 [1].

чение напрямую связывается с указанием места расположения (например, в английском языке footnote – «подстрочное примечание»², в русском языке – «дополнительный текст, помещаемый в самом низу страницы»³).

Современное понимание комментария носит сугубо утилитарный характер – «сателлит текста»⁴. По С.А. Рейсеру, содержание такого комментария складывается из сведений археологического характера и пояснений разного рода реалий историко-культурного свойства. При этом отмечается, что комментарий носит исследовательский характер, в отличие от примечаний⁵.

Однако, например, Я. Грот еще в XIX в. вводит понятие «объяснительные примечания» и во вступительном слове к первому тому собрания сочинений Г.Р. Державина разъясняет: «Мы желаем представить все труды Державина в такой последовательности и с такими объяснениями, чтобы каждый образованный читатель мог легко рассматривать их в полной обстановке лиц и событий, к которым они имеют отношение; мы желаем дать книгу, которая служила бы не только памятником деятельности Державина, но и пособием для изучения его времени; наконец мы желаем, описав его жизнь, критически взглянуть на него как на человека и на писателя, чтобы способствовать к уяснению истинного его значения» [5, с. VIII–IX]. При этом Грот заявляет, что он удерживается «от высказывания собственных своих взглядов или впечатлений»⁶.

Любопытно, что в Толковом словаре русского языка семантическое поле слова «комментарий» включает следующие объяснения: «разъяснительные примечания⁷ к какому-нибудь тексту» (это почти по Гроту) и «рассуждения, пояснения, критические замечания о чем-либо»⁸. Собственно же примечание определяется как «дополнительная заметка к тексту»⁹.

Издавая в 1913 г. адресованные ему письма Н.Н. Страхова, В.В. Розанов снабдит их датированными примечаниями, которые формально вполне соответствуют «объяснительным примечаниям» Грота. Но Розанов не только не отказывается от «собственных взглядов», а наоборот – активно их высказывает, стремясь передать в своих примечаниях живое чувство, вызванное чтением. Отсюда и выбранный к переписке эпиграф (приведем в сокращении): «Единственный вид литературы, который я признавать стал – это ПИСЬМА. ... Это единственный искренний вид писаний. Священник Павел Флоренский (из частного письма

² См.: Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. М.: Русский язык, 1994. С. 282 [2].

³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. С. 764 [3].

⁴ См.: Рейсер С.А. Палеография и текстология Нового времени. М.: Просвещение, 1970. С. 293 [4].

⁵ Там же.

⁶ См.: Грот Я. Предисловие // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип-я Императорской Академии Наук, 1864. С. XLI [5].

⁷ В американском варианте английского языка обнаруживается нечто схожее: note – «заметка, памятка или специальное примечание» (см.: Oxford American Dictionary / Eugene Ehrlich, Stuart Berg Flexner, Gorton Carruth, Joyce M. Hawkins. New York: Oxford University Press, 1982. P. 609 [6]).

⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 293.

⁹ Там же. С. 613.

ко мне)» [7, с. 3]¹⁰. Но вот в предисловии к переводу «Метафизики» Аристотеля Розанов использует термин «комментарий»¹¹.

Так что же такое «комментарий»?

По Владимиру Соловьеву, если хочешь понять существо какого-либо явления, следует обратиться к этимологии его именованья. Комментарий (*commentarius*) – слово латинского происхождения от глагола *memini* «помнить, думать, упоминать, вспоминать». Отсюда, например, «*Commentarius de consulatu suo*» Марка Тулия Цицерона или «*Commentariorum de Bello Gallico*» Гая Юлия Цезаря. Сподвижник Цезаря Авл Гирций в небольшом предисловии к восьмой книге, которую он вынужденно писал после смерти Цезаря, естественно использует слово *commentarios*¹² и замечает: «Цезарь был не только весьма искусным и изящным стилистом: он обладал также истинным умением излагать свои замыслы» [12, с. 189]. Учитывая такого рода умение, вполне закономерно, что, например, Марк Аврелий озаглавливает свой труд как «*Commentarii de se ipso*» – «Размышления самому себе».

Комментариями именуют рождающиеся в связи с чтением Аристотеля мысли такие греческие философы, как Симпликий, Александр Афродисийский («Метафизика», гл. 1–5), Порфирий, Сириан и др. Главная задача комментария (греч. *ὑπόμνημα, σχολαί*) – разъяснение текста, в процессе которого текст выписывается и комментируется строка за строкой, отличаясь «авторской разработкой»¹³. Так, Сириан в комментариях «Метафизики» (III–IV, XIII–XIV) защищает теорию идей Платона от критики Аристотеля. Аманий утверждает: «Комментатор должен очень хорошо разбираться в предмете, он должен быть достаточно умен, чтобы соответствовать уровню мысли Философа и установить, истинны ли его слова. Ему не следует ... считать, что у Аристотеля все сказано прекрасно, и торопиться принимать комментируемый текст за совершенную истину, когда это не так. Нет, надо в каждом случае все как следует испытать, ставя выше Аристотеля ... истину» [цит. по: 13, с. 189].

¹⁰ В соответствующем (13-м) томе, изданном в 2001 г. в составе собрания сочинений Розанова под ред. А.Н. Николюкина, этот эпиграф отсутствует (см.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с. [8]). Однако эпиграф сохранен (правда, не на отдельном листе, а перед предисловием Розанова) в переиздании книги 1913 г. (см.: Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма / подгот. текста, послесл. Г.Р. Евраграфов. М.: Аграф, 2000. С. 6 [9]). Но в этом переиздании закономерно отсутствуют не включенные Розановым его ответные письма Н.Н. Страхову, которые опубликованы в 13-м томе. Между тем этот эпиграф очень важен, поскольку подчеркивает искренность розановских примечаний.

¹¹ См.: Розанов В.В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 25 [10].

¹² «*Caesaris nostri commentarios rerum gestarum Galliae, non comparantibus superioribus atque insequentibus eius scriptis, contexui novissimumque imperfectum ab rebus gestis Alexandriae confeci usque ad exitum non quidem civilis dissensionis, cuius finem nullum videmus, sed vitae Caesaris*» [11, р. 104] (курсив наш. – И.Е.).

¹³ См.: Солопова М.А. Аристотеля комментаторы // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 175, 176, 181 [13].

Как видим, комментарий в качестве жанра выкристаллизовывается постепенно в сторону включения размышлений самого комментатора. Отсюда понимание комментария в значении «толкование»¹⁴. Значимость личностного начала в комментариях провоцируется самим Аристотелем, который называет интересующий нас труд *τὰ μετὰ τὰ φυσικά* – *то, что следует после сочинений о природе* («Физика», «О душе», «Малые сочинения о природе»). А после «Метафизики» Аристотель пишет работы по этике, сочинения о животных и в завершение – «Риторику» и «Поэтику». Таков *Corpus Aristotelicum*, по Андронику Родосскому¹⁵. Условная междоухабимость «Метафизики» требует для ее комментариев знания и понимания того, что было *до* нее и *после* нее. А любое понимание всегда носит *личностный характер*, что обнаружится в розановских комментариях, формируя его жанровую специфику.

Летом 1887 г. Розанов (в совершенно расстроенном состоянии из-за несложившейся семейной жизни) переезжает из Брянска в Елец. Не имея возможности отказаться от преподавательской деятельности, он устраивается на работу в Елецкую мужскую гимназию, с успехом прочитав активую лекцию «О месте христианства в истории». После публикации в 1886 г. философского труда под названием «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» это было второе сугубо философское сочинение Розанова. Его неудержимо тянуло к философии, а он был вынужден преподавать историю и географию. Никакого сочувствия среди коллег по гимназии философские увлечения Розанова не нашли. Более того, когда во время одной из посиделок он принес свою книгу «О понимании», один из подвыпивших коллег помочился на розановский труд.

Но все же у одного из учителей Розанов найдет отклик. Им будет Павел Дмитриевич Первов (1860–1929), поступивший на работу в гимназию учителем древних языков через год после Розанова – в 1888 г.¹⁶ Знаток не только древних, но и новых европейских языков, Первов в 1889 г. опубликовал по сей день считающийся одним из лучших перевод на русский язык книги Блэза Паскаля «Мысли». Розанов стал писать на этот перевод рецензию, но так ее и не завершил¹⁷. Он откликнется на второе издание перевода в 1899 г., опубликовав рецензию в «Иллюстрированном приложении» к газете «Новое Время» за 6 октября. Розанов видит в труде Паскаля «самое глубокое и самое свободное, что было подумано о христианстве умом чисто светского сложения»¹⁸, и положительно оценивает перевод Перлова, советуя при

¹⁴ См.: Воронков А.И., Поняева Л.П., Попова Л.М. Латинское наследие в русском языке: Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 156 [14]; Латинско-русский словообразовательный словарь / авт.-сост. Г.Вс. Петрова. М.: Оникс; Мир и Образование, 2008. С. 331–332 [15].

¹⁵ См.: Gottschalk H.B. The Earliest Aristotelian Commentators // Sorabji R. (ed.). Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence. London, 1990. P. 55–81 [16].

¹⁶ См. об этом подробнее: Шевелюк А.М. Преподаватели Елецкой гимназии. Елец, 2009. С. 21–23 [17].

¹⁷ См.: Розанов В.В. Паскаль / публ. и примеч. В.Г. Сукача // Человек. 2001. № 4. С. 76–98 [18].

¹⁸ См.: Розанов В.В. Блэз Паскаль. Мысли (О религии). С предисловием Превос-Парадоля / пер. с фр. П.Д. Перлова. Изд. 2-е, испр. М., 1899 // Розанов В.В. Собрание сочинений. Юдаизм. – Статьи и очерки 1898–1901 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 268 [19].

следующем издании выполнить «обдуманно составленный указатель»¹⁹. Как и Розанов, Первов покинет Елец, переедет в Москву, где станет работать в Лазаревском институте восточных языков. Здесь он напишет целый ряд сочинений по философии, педагогике и методике, истории культуры.

Итак, встретившись в Ельце, Розанов и Первов, два учителя из российской глубинки, объединенные любовью к философии, задумывают пересадить «на нашу почву крупнейшие достижения великих философов человечества»²⁰. Первым выбрали того, кто имел огромное влияние на человеческую мысль, – Аристотеля, с его важнейшим сочинением «Метафизика». Их работа над переводом придется в основном на 1888–1889 гг.

В своих воспоминаниях Первов пишет, что просмотр написанного об Аристотеле, убедил их в отсутствии ясной философской терминологии, отчего получалась «полная неразбериха», не имеющая ничего общего «с подлинным содержанием “Метафизики”». Приходилось начинать все об ово»²¹. Однако, отвечая на письмо Н.Н. Страхова, где тот указывает на не прочитанные переводчиками труды об Аристотеле, Розанов признается, что они пользовались только тем, что сумели отыскать в Ельце.

Для некоторого восполнения этого пробела и понимания существа комментария в переводах Аристотеля XIX в. обратимся к двум примерам.

Так, А.Г. Глаголевым публикуется перевод 25 главы «Поэтики» Аристотеля, выполненный в 1819 г. под названием «Из Аристотелевой Пиитике. О критике и о способе отвечать на нее. (Перевод с греческого)». Уже в первом комментарии Глаголев поясняет: «Поводом к сему переводу было Рассуждение о нравственных качествах критика, читанное в заседании Общества Любителей Рос<сийской> Словесности Действительным Членом Львом Алексеевичем Цветаевым. Трактат Аристотелев не может принести удовольствия Любителям Словесности; но нельзя сказать, чтобы он при всей своей сухости не был занимателен. По крайней мере, из него можно видеть мнения древних о критике» [21, с. 160]. Глаголев высказывает здесь довольно типичное для его времени мнение о «сухости» стиля Аристотеля, но при этом подчеркивает, что Аристотелю важно не слово, а мысль.

Впервые на русский язык «Метафизику» Аристотеля перевел профессор истории Императорского Санкт-Петербургского университета М.И. Касторский, но в печати перевод не появился, судьба его до сих пор неизвестна. Однако Касторский перевел на русский язык и в 1859 г. издал в билингве «Категории» Аристотеля как своеобразный развернутый комментарий к «Метафизике». В обширной вступительной статье к «Категориям» Касторский утверждает, что «понятие философское есть основание у Аристотеля»²², поясняя: «Я несколько лет немного свободное время

¹⁹ См.: Розанов В.В. Блэз Паскаль. Мысли (О религии). С предисловием Прево-Парадоля. С. 268.

²⁰ См.: Первов П.Д. Философ в провинции // В.В. Розанов: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. С. 96–97 [20].

²¹ Там же. С. 97.

²² См.: Касторский М.И. Вступление // Категории Аристотеля на греческом и русском языках. Переводил и объяснял М.И. Касторский. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1859. С. X [22].

употреблял для перевода и объяснений *Метафизики* Аристотеля в убеждении, что, если суждено и в нашем отечестве когда-либо быть философии, занятия ею будут благотворно под влиянием древних Эллинских мыслителей. В борьбе с трудностями я постоянно нуждался в объяснении Аристотеля самим же Аристотелем» [22, с. XIV]. Собственно, отсюда – и перевод «Категорий».

С одной стороны, утверждению Первого о том, что им при переводе «ничем нельзя воспользоваться», вторит вывод современной исследовательницы О.С. Егоровой: «... среди авторов не было профессиональных исследователей, целенаправленно занимавшихся изучением данной тематики» [23, с. 51]. Но с другой – переводческая и комментаторская деятельность проф. Касторского свидетельствует об обратном. В комментариях Касторского большое место занимают лингвофилософские разъяснения категорий, обращения (при необходимости) к другим греческим философам (чаще – к Платону), пояснения сложных мест, основную массу примеров Касторский черпает из «Метафизики». Собственно, комментарии Касторского иллюстрируют, что значит объяснять Аристотеля самим Аристотелем.

Из письма Розанова Страхову от 15 февраля 1888 г. узнаем, что он начал переводить «Метафизику» еще в Брянске²³ не без влияния диссертации М.Н. Каткова «Очерки древнейшего периода греческой философии» (1853 г.), в которой его поразили аристотелевские «понятия δύναμις и ἐνέργεια»²⁴ как «целая система мысли», для понимания сути которой ему (Розанову. – И.Е.) не хватило знаний древнегреческого языка²⁵. Первов же, в отличие от Розанова, не только великолепно знал древнегреческий язык, но и был весьма осведомленным человеком в области философии. Эти обстоятельства позволили им разделить участие в переводе: Первов сосредоточивается на сфере грамматической, стремясь как можно более точно переводить аристотелев текст, а Розанов – на разъяснении смыслов²⁶, поскольку он, как и герой его «листвы», обладал особым «чувством» слова: «Бог послал меня с даром слова...», и признавался: «... литература есть просто мои штаны»²⁷. В этом на первый взгляд парадоксальном сочетании проявляется специфика розановского постижения предметного мира, которым

²³ Как отмечает В.Г. Сукач, впервые внимание Розанова к «Метафизике» Аристотеля привлек проф. В.И. Герье еще во время обучения в Императорском Московском университете (см.: Сукач В.Г. Комментарии // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 215 [24]).

²⁴ «Кто, не чуждый философскому мышлению и знакомый с ее историей, не знает Аристотелевских δύναμις и ἐνέργεια (τὸ δύναμις ὄν, τὸ ἐνέργεια ὄν), терминов, которые в своей латинской форме как потенция и акт, навсегда усвоены философии...» (см.: Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии. Москва: Университетская типографии, 1853. С. 96 [25]).

²⁵ См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 154.

²⁶ Как пишет В.В. Биbihин, «непонимание тонкостей греческого, которое можно иногда (не часто) заметить, ... компенсируется восстановлением смысла, где не уловлена точная грамматическая форма» (см.: Биbihин В.В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 10 [26]).

²⁷ См.: Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Барабанова. М.: Правда, 1990. С. 556, 539 [27].

он наделяет своё alter ego. В основе этого постижения – чувственно-интимное восприятие, открывающее сущностные смыслы бытия. «Дар слова» – одно из проявлений указанного восприятия. Возможно, по этой причине перевод «Метафизики» «сопровождается непрерывным философским комментарием, занимающим больше места, чем сам перевод»²⁸.

И еще одно важное замечание. В «Метафизике» Аристотель использует диалогическую форму имплицитно, имея в виду читателя как образованного человека, поэтому «он предельно проясняет каждое слово, выстраивая язык своей философии, и книги “Метафизики” – ярчайший тому пример»²⁹. А Розанов, добавим, явил ярчайший пример охваченного страстью к философии читателя, который сумел уловить эту особенность «Метафизики» и выстроить свои комментарии как тот самый образованный человек, настроенный одновременно на диалог и с Аристотелем, и с теми, кто будет читать переведенный текст. Это позднее, в «Уединенном», Розанов пошлет неведомого читателя куда подальше, а пока он следует традиции Аристотеля, навсегда усваивая свойственное греческому философу внимание не только к миру людей, но и к животным, насекомым – ко всему тому, что привычно человека окружает, чем он подчас пользуется и одновременно не замечает.

В одном из писем Страхову в 1890 г. Розанов признается: «... с каким бы удовольствием я поступил к нему (Аристотелю. – И.Е.) в слуги, чтобы вечно видеть его, всегда за ним подсматривать и им любоваться» [29, с. 238]. Любуясь Аристотелем и вникая в его «Метафизику», Розанов вступает в своеобразный философский диалог и с Аристотелем, и с его философским трудом, что в итоге придает комментарию очертания диалогической мыслеформы.

Чисто внешне комментарии Розанова различаются объемом: по большей части они краткие, много меньше – расширенные, что, видимо, стало результатом редакционных требований³⁰.

Однако независимо от объема в комментариях проявляется личность самого Розанова. Он предстает как человек, не просто знакомый с древнегреческой философией, но хорошо в ней разбирающийся, а потому берущий на себя право комментирования как форму личного общения с тем, кем искренне и давно восхищается.

Типологически комментарии дифференцируются по нескольким признакам.

Розанов довольно часто в комментариях *словно продолжает мысль* Аристотеля, используя обороты «то есть, именно, буквально». Например, Аристотель пишет: «... мы видим, что опытные люди лучше достигают цели, чем [люди], имеющие [только] теоретическое знание (λόγος), без опыта. Это потому,

²⁸ См.: Первов П.Д. Философ в провинции // В.В. Розанов: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. С. 98.

²⁹ См.: Алымова Е.В. Предисловие переводчика // Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. на рус. яз. Е.В. Алымовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 7 [28].

³⁰ Частично эта разница объясняется требованием редакции «Журнала Министерства Народного Просвещения», куда был отдан перевод для публикации, сократить комментарии, о чем известно из переписки Розанова со Страховым (см.: Письмо В.В. Розанова к Н.Н. Страхову до 6 июня 1890 г. // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. С. 165 [29]).

что опытность есть знание вещей поодиночке, искусство же – [знание их] вообще; а всякое действие и всякое происхождение относится к единичному». Розанов в комментарии продолжает: «То есть всякое действие может быть направлено только на единичное, и единичное же всегда происходит, образуется в каком-либо процессе, например и лечится, и выздоравливает единичный человек, а не человек вообще» [30, с. 30–31].

Своеобразным *подвидом комментария как продолжения мысли Аристотеля* являются комментарии, в которых Розанов разъясняет мысль Аристотеля или поясняет ее своими примерами, указывает на произведения Аристотеля, к которым он сам делает отсылки, отсылает к сочинениям других философов, называет другие произведения Аристотеля, к которым следует обратиться.

Например, Аристотель пишет: «Иным единое и точка кажутся даже началами», а Розанов поясняет, что по своей малости единое и точка «суть прототипы стихий» и одновременно от них образуются «все тела и вообще множественность в природе, «служа для этого образования “пунктами отправления”», т.е. «началами самых этих вещей» [30, с. 163]³¹.

Рассуждая о качестве, Аристотель пишет: «... числа бывают такого-то качества, например, есть [числа] составные, и не только раз взятые, но [как бы] подобные поверхности и объему...». Розанов находит нужным прокомментировать два понятия: числа составные и подобные. В первом случае Розанов указывает на существование качественности внешней, которая переходит «в самое существо вещи»³². Фактически речь идет о содержательности формы, что предвосхищает будущие эстетические установки модернизма. Подобные поверхности комментируются Розановым через обращение к греческим именованиям: «В тексте: τὸ στερεόν – твердое тело. Στερεὸς ἀριθμός – кубическое тело», которое описывается через число – ἀριθμός, следовательно, числа могут быть подобны поверхности и объему: «как приложение числа к числу напоминает собою ... поверхность», где «часть прилегает к части», а «степень числа напоминает собою объем (т.к. и в этом последнем сложенная из частей поверхность еще раз слагается во всех своих элементах)»³³.

Представленная в приведенных текстах актуализация понятий поверхности и числа предвосхищает понимание В.В. Кандинским существа плоскости в сочетании с линией и точкой, что станет манифестом не только сугубо абстракционизма, но и искусства XX в. в целом. Речь идет о работе Кандинского 1926 г.

³¹ Об этом Розанов писал еще в книге «О понимании», но его идея «была для того времени необычной и состояла в трактовке разума как живого начала, развивающегося от потенциальной незаметной точки к актуальному бытию» (см.: Резвых Т.Н. <Вступление> // Переписка В.В. Розанова и Э.Л. Радлова / публ. и примеч. Т.Н. Резвых // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 501 [31]). Позднее свящ. П.А. Флоренский, хороший знакомец Розанова, в унисон ему заметит, что «точка ... это онтологический Центр, из которого все разворачивается» (см.: Флоренский П.А., свящ. Точка // Флоренский П.А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игум. Андроника (Трубачева) и др. М.: Мысль, 1996. С. 582 [32]).

³² См.: Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. С. 191.

³³ Там же.

под названием *Punkt und Linie zu Fläche: Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*, где он обосновывает глубинные взаимосвязи между внешним и внутренним [33].

Раскрывая мысль Аристотеля об отношении органов чувств к знанию, Розанов ссылается на трактат *De sensu et sensibili*, I, где подробно говорится о значении отдельных органов чувств и, в частности, повторяется высказанная мысль об их отношении к знанию³⁴.

Отсылка к сочинениям других философов (Горгий, Платон, Диоген Лаэртский, Анаксимен, Эмпедокл, Гиппас Метопонтийский, Гераклит Эфесский и др.) [30, с. 29, 32, 36 и т.д.] – довольно распространенный тип комментариев у Розанова, подчас они могут разрастаться за счет уточнений³⁵. Например, утверждение Аристотеля, что «Гиппас Метопонтийский и Гераклит Эфесский указывают на огонь», Розанов в комментарии уточняет: Гиппас был всего лишь последователем Гераклита, для которого огонь есть «подвижная стихия», а вот центральным понятием является процесс, которому «все подвержено» и в котором «все одновременно и существует, и не существует»³⁶.

Розанов часто указывает на другие сочинения Аристотеля, к которым следует обратиться: а) в качестве *дополнения к названному Аристотелем*: «... (о чем сказано уже в книгах “О природе”) ...» Розанов в комментарии пишет: «Собственно, об этом говорится в трактатах “О небе”, кн. III, 7 и “О происхождении и разрушении”, кн. II, 6. Эта ссылка Аристотеля показывает, что под “Физикой” он разумел совокупность своих трудов о природе» [30, с. 60]; б) в качестве *дополнения своих мыслей*: «Ибо софистика есть кажущаяся мудрость, а диалектики рассуждают обо всем; общее же всему – это сущее. А рассуждают они об этом, очевидно, потому, что это свойственно философии», а в комментарии Розанов дополняет: «Об отношении к софистике и диалектике см. “Последняя Аналитика”, кн. I, гл. 2, ст. 1; “Тописка”, кн. I, гл. 1, ст. 1; “Об опровержении софистических доказательств”, гл. 2, ст. 1; “Риторика”, гл. I, ст. 17» [30, с. 125–126].

Кроме того, в комментариях Розанова встречаются указания на то, что Аристотель *много раз возвращается* к той или иной проблематике³⁷.

Комментарии другого типа связаны с *пояснением древнегреческих*: «Поэтому и зодчего или какого другого руководителя (подчеркнуто нами. – И.Е.) в каждом деле мы более уважаем и считаем более сведущим и мудрым, чем простых рабочих, потому что он знает причины того, что делается...» Розанов пишет: «В тексте одно слово *ἀρχιτέκτων*, которое означает не только зодчего, но и вообще руководителя в различных искусствах и ремеслах» [30, с. 31]. Или в рассуждениях Аристотеля о существовании количества читаем: «... точно ограниченное

³⁴ См.: Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. С. 28.

³⁵ Там же. С. 39, 41, 43 и т.д.

³⁶ Там же. С. 41.

³⁷ Там же. С. 99, 110 и др.

множество есть число ...», а Розанов поясняет: «Так как число состоит из единиц, то все, что не ограничено точно, в чем мы не можем узнать, сколько содержится единиц, и не есть число» [30, с. 190].

Пояснение терминов формирует еще один тип комментариев, когда Розанов *вступает в спор* с другими комментаторами «Метафизики» Аристотеля. В этом случае комментарий всегда становится развернутым, как, например, в случае с вопросом отождествления истинного с возможным. Розанов пишет, что параграф, в котором Аристотель пишет об этом, многими комментаторами считался более поздней вставкой холиаста, оставившего при чтении свою запись. И Розанов приводит далее три варианта бытийствования того, как возможное может быть и не быть³⁸.

Особый тип комментариев определяется:

– разного рода *пояснениями и заменой отдельных слов* (порознь и разрозненный, разное и тождественное³⁹), в том числе древнегреческих, с указанием грамматических характеристик или контекстуального смысла: скрытый вместо *δύναμις* и проявляемый вместо *τὸ δύνανθαι*, «из которых первое указывает на присутствие способности, а второе – на проявление ее»⁴⁰.

– отсылками *к сочинениям других философов*, среди которых Александр Афродизский, Сократ, Платон, Фалес, Гиппон, Гераклит Эфесский, Анаксагор, Гермотим Клазоменский, Эмпедокл, Левкипп, Демокрит, Парменид, Пифагор, Филолой, Алкмей Кротонский, Ксенофан, Мелисс Самосский, Эвдокс из Книды, Аристипп, Аристипп из Кирены, Горгий, Зенон, Диоген Лаэртский, Протагор, Евен;

– отсылками *к сочинениям других деятелей культуры*: Геродота, Гомера, Гесиода, Плиния Старшего, Фриниса, Тимофея;

– сообщением *о состоянии текста*, например: «Этого места в его (Эмпедокла. – И.Е.) поэме не сохранилось»⁴¹ или биографических сведениях⁴².

Особое место занимают *обширные комментарии* Розанова, в которых он *размышляет над переводом* «Метафизики», фокусируя внимание читателя на разных философских аспектах. Комментарии указанного рода располагаются в самом большом количестве в первой книге «Метафизики», поскольку в ней проводится историко-философский обзор существа наиболее значимых для Аристотеля учений.

Так, обращаясь к учению пифагорейцев, наблюдающих за небом, Аристотель обнаруживает их близость «с прочими физиками», для которых сущее – это то, что воспринимается чувствами, в данном случае – небо. И тут же оговаривается: «... но причины и начала, принимаемые ими, способны ... поднять нас к

³⁸ См.: Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. С. 188.

³⁹ Там же. С. 180, 179.

⁴⁰ Там же. С. 185.

⁴¹ Там же. С. 46.

⁴² Там же. С. 67, 70, 79.

уразумению и того, что выше существующего» [30, с. 64]. Розанов мгновенно (еще один показатель именно диалогической природы комментариев Розанова) подключается, обращая внимание на *значимость* этого признания Аристотеля, чья строгость, замечает Розанов, в отношении пифагорейцев должна быть «приложена и к Платону»⁴³. Обширность познаний Розанова в истории философии позволяет ему легко обнаруживать сходства и различия во взглядах представителей разных направлений. В итоге он пишет, что философия Платона (в частности, его размышление об идеях) «близка до неразличимости к теории чисел пифагорейцев, а глубочайшая сторона учения самого Аристотеля, теория форм, есть лишь несколько измененная теория идей»⁴⁴. И далее следует финальный вывод, что философия Аристотеля, во внешнем своем облике натуралистическая, по существу определяется «фантастическими теориями пифагорейцев», а вовсе не учением «всех физиков», не исключая Анаксагора⁴⁵.

Таким образом, типология розановских комментариев к «Метафизике» Аристотеля базируется на внимательном следовании за мыслью греческого философа, стремлении сделать ее как можно более понятной и одновременно представить в историко-философском контексте. При этом часть комментариев носит нескрываяемо личностный характер. Сумма этих характеристик выводила собственно комментарий за пределы привычного формата, о чем свидетельствуют замечания Н.Н. Страхова и Э.Л. Радлова, когда речь зашла о публикации перевода.

Так, Страхов пишет Розанову: «Примечания длинны от двух причин: иные слишком элементарны, другие наполнены Вашими собственными рассуждениями Вообще, все не имеет достаточно ученой выправки» [35, с. 10].

Страхов передает перевод с розановскими комментариями Э.Л. Радлову, тот делает свои замечания и отправляет Розанову, который в ответ пишет: «Те указания, которые были прошлою зимою сделаны относительно примечаний к переводу, именно: оставить лишь те, которые прямо относятся к тексту, были приняты нами во внимание. По получении рукописи обратно я вычеркнул (красными чернилами) более половины примечаний, но все-таки многие из них оставил. Эти оставленные примечания, не относясь к грамматическому составу текста, могут, мне думалось, или помочь разъяснению часто слишком сжато выраженного, или остановить над ним читателя, то расширяя этот смысл, то его ограничивая. Вообще перечитывая примечания после указаний, переданных мне Н.Н. Страховым, я сам почувствовал чрезмерную неуместность многих из них;

⁴³ См.: Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. С. 64.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Остается только пожалеть, что в современном исследовании пифагорейской традиции, включающей публикацию текстов, эти наблюдения Розанова никак не учтены, особенно, когда речь заходит о главном сообщении Аристотеля о пифагореизме (см.: Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Щетников А.И. Пифагорейская традиция. СПб.: РХГА, 2014. С. 50–54 [34]).

но, когда пишешь, этого обыкновенно не замечаешь. Однако от этого недостатка, мне кажется, свободны оставленные примечания» [36, с. 513].

В ответ Радлов пишет: «Ваши примечания к переводу, конечно небесполезны, но мне казалось бы, что Вы хорошо сделаете, если ограничитесь замечаниями исторического характера и разъяснениями текста в духе древ<ней> греческой философии; от слишком смелых сближений мыслей древних с философемами новых я советовал бы воздержаться» [37, с. 514].

Как видим, и Страхов, и Радлов категорически используют термин «примечания», отчего советуют Розанову убрать все, что связано с диалогической природой его комментариев, в немалой степени порожденной, с одной стороны, самой «Метафизикой» Аристотеля, а с другой – нескрываяемо личностным ее прочтением, корректируемым историей философских учений, законами лингвистики и общекультурного развития человечества. Диалогическая природа комментариев Розанова делает их особой мыслеформой, непривычной не только для его современников, но и для исследователей нашего времени.

И вот здесь самое время вновь обратиться к вступительной статье к переводу «Метафизики». Эту статью Розанов пишет под впечатлением от всех предъявленных ему замечаний по поводу комментариев, потому именует ее простой, рожденной от острого впечатления непереносимого учета неведомого того, кто стоит выше тебя, водит твоей рукой и видит все. Но эта внутренняя грусть не определяет, конечно, всего содержания вступительной статьи, хотя и составляет ее имплицитный фон.

Вначале Розанов подчеркивает подвижность понимания и объяснения истории. В этом процессе «нет старого и нового, а есть только созданное умом», где «тонкость и глубина понятий не имеют никакого отношения ко времени»⁴⁶. Аналогичные процессы происходят в философии. Развитие определяется столкновением сложившегося с неудержимой потребностью иного, ярким примером чего является Аристотель: «после многих веков жизни в кругу понятий, им установленных, явилась неудержимая потребность освободиться от этих понятий ... все равно – истинны они или ложны» [10, с. 22]. Поиски нового велись с одной целью – «искали того, что нисколько не напоминало бы оставленного»⁴⁷. Философия Декарта и Бэкона – результат этих поисков. Розанов пишет об этом как о совершенно естественном пути развития.

Но (вот парадокс!) в понятийном плане Аристотель никуда не исчезает в силу того, что он является автором бессмертных терминов «δύναμις и ἐνέργεια, возможность и действительность, напряжение и действие»⁴⁸. Универсализм этих понятий, выработанных Аристотелем в «Метафизике», делает их вечными. Более того, обращение к ним рождает впечатление, что «читаешь комментарий к

⁴⁶ См.: Розанов В.В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика. С. 21.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ Там же. С. 25.

той или иной главе “Метафизики”»⁴⁹. Комментарий появляется здесь неслучайно, ибо случайного у Розанова не бывает. Внешней причиной могло послужить восприятие его собственных комментариев, которые ему предложили заменить простыми и понятными примечаниями. А по существу, участвуя в переводе «Метафизики» и ее осмыслении, Розанов придает комментарию очертания диалогической мыслеформы, которая включает не только систему отсылок, пояснений, но и собственное восприятие философии Аристотеля, ее понимание и развитие⁵⁰. Аристотель открыл Розанову, что сущностное кроется в самом обыкновенном. Это открытие навсегда определит творческий дискурс самого Розанова, чей непрезентабельный герой «листвы», носящий ту же фамилию, признается: «Да просто я не имею формы (causa formalis Аристотеля). ... Но это от того, что я весь – дух, и весь субъект...» [27, с. 211].

Список литературы

1. Stypuła R., Kowalowa G. Słownik Polsko-Rosyjski. Warszawa–Moskwa, 1975. 840 s.
2. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. М.: Русский язык, 1994. 880 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
4. Рейсер С.А. Палеография и текстология Нового времени. М.: Просвещение, 1970. 336 с.
5. Грот Я. Предисловие // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип-я Императорской Академии Наук, 1864. С. V–XLII.
6. Oxford American Dictionary / Eugene Ehrlich, Stuart Berg Flexner, Gorton Carruth, Joyce M. Hawkins. New York: Oxford University Press, 1982. 1095 p.
7. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. С портретом. СПб.: Тип-я Тов-ва А.С. Суворина, 1913. 531 с.
8. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Никольюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
9. Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма / подгот. текста, послесл. Г.Р. Евраграфов. М.: Аграф, 2000. 368 с.
10. Розанов В.В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 19–26.
11. Caesar Gaius Julius. Commentarii de bello Gallico [et al]. Venetis, 1519. P. 3–112.

⁴⁹ См.: Розанов В.В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика. С. 25.

⁵⁰ Близкие по форме комментарии написаны А. Ипполитовым к «Итальянским впечатлениям» В.В. Розанова. Ипполитов размещает комментарии со сплошной нумерацией внутри розановского текста, используя выделение цветом текста Розанова. А свои комментарии (без какой-либо окраски) отделяет номером с косым подчеркиванием. За счет нумерации с внутренней стороны листа остаются широкие поля, что сразу делает комментарии хорошо видимыми. Подобная игра с пространством листа, с цветом и его отсутствием, а также использование курсива направлены на визуальную активизацию восприятия текста, что было присуще и самому Розанову. Комментарии А. Ипполитова также носят диалогический характер, но при общей весьма критической оценке и самого Розанова, и его сочинения (см.: Розанов В.В. Итальянские впечатления / предисл. и коммент. А. Ипполитова. М.: Издательская группа 1900, 2020. 400 с. [38]).

12. Гирций А. Записки о Галльской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М.М. Покровского. Москва-Ленинград: АН СССР, 1948. С. 189–190.
13. Солопова М.А. Аристотеля комментаторы // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 175–184.
14. Воронков А.И., Поняева Л.П., Попова Л.М. Латинское наследие в русском языке: Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2002. 432 с.
15. Латинско-русский словообразовательный словарь / авт.-сост. Г.Вс. Петрова. М.: Оникс; Мир и Образование, 2008. 704 с.
16. Gottschalk H.B. The Earliest Aristotelian Commentators // Sorabji R. (ed.). Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence. London, 1990. P. 55–81.
17. Шевелюк А.М. Преподаватели Елецкой гимназии. Елец, 2009. С. 21–23.
18. Розанов В.В. Паскаль / публ. и прим. В.Г. Сукача // Человек. 2001. № 4. С. 76–98.
19. Розанов В.В. Блэз Паскаль. Мысли (О религии). С предисловием Прево-Парадоля / пер. с фр. П.Д. Первова. Изд. 2-е, испр. М., 1899 // Розанов В.В. Собр. соч. Юдаизм. – Статьи и очерки 1898–1901 / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 267–268.
20. Первов П.Д. Философ в провинции // В.В. Розанов: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. С. 88–101.
21. Из Аристотелевой пиитики. О критике и о способе отвечать на нее / пер. А.Г. Глаголева // Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском университете. Ч. 16. Летописи общества. Год IV. Москва: Университетская Типография, 1819. С. 160–170.
22. Касторский М.Н. Вступление // Категории Аристотеля на греческом и русском языках. Переводил и объяснял М.Н. Касторский. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1859. С. II–XVII.
23. Егорова О.С. Исторический обзор русских биографий Аристотеля (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 4. Ч. 1. С. 40–55.
24. Сукач В.Г. Комментарий // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 215–221.
25. Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии. Москва: Университетская типография, 1853. 156 с.
26. Биbihин В.В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 7–18.
27. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Барабанова. М.: Правда, 1990. С. 421–629.
28. Алымова Е.В. Предисловие переводчика // Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. на рус. яз. Е.В. Алымовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 3–17.
29. Письмо В.В. Розанова к Н.Н. Страхову до 6 июня 1890 г. // Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2001. С. 237–238.
30. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 26–213.
31. Резвых Т.Н. <Вступление> // Переписка В.В. Розанова и Э.Л. Радлова / публ. и примеч. Т.Н. Резвых // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 500–512.
32. Флоренский П.А., свящ. Точка // Флоренский П.А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игум. Андроника (Трубачева) и др. М.: Мысль, 1996. С. 574–590.
33. Кандинский В. Точка и линия на плоскости // Кандинский В. Точка и линия на плоскости / пер. с нем. Е. Козиной, А. Лисовского. СПб., 2001. С. 194–350.
34. Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Щетников А.И. Пифагорейская традиция. СПб.: РХГА, 2014. 747 с.

35. Письмо Н.Н. Страхова к В.В. Розанову. 18 марта 1888 г. // Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. С. 9–11.

36. Письмо В.В. Розанова к Э.Л. Радлову от 1889 г. / публ. и примеч. Т.Н. Резвых // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 513–514.

37. Письмо Э.Л. Радлова к В.В. Розанову от 15 февраля 1889 г. / публ. и примеч. Т.Н. Резвых // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 514–515.

38. Розанов В.В. Итальянские впечатления / предисл. и коммент. А. Ипполитова. М.: Издательская группа 1900, 2020. 400 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Florenskiy, P.A., svyashch. Tochka [The Point], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 574–590.

2. Grot, Ya. Predislovie [The Preface], in *Sochineniya Derzhavina s ob"yasnitel'nyimi primechaniyami Ya. Grot. T. 1* [Derzhavin's Works with Explanatory Notes by J. Groth. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1864, pp. V–XLII.

3. Pervov, P.D. Filosof v provintsii [The Philosopher in a Provinces], in V.V. *Rozanov: pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [V.V. Rozanov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 1995, pp. 88–101.

4. Pis'mo V.V. Rozanova k N.N. Strakhovu do 6 iyunya 1890 g. [V.V. Rozanov's Letter to N.N. Strachov until June 6, 1890], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev* [The collected Works. Literary outcasts: N.N. Strakhov, K.N. Leontiev]. Moscow: Respublika, 2001, pp. 237–238.

5. Pis'mo N.N. Strakhova k V.V. Rozanovu. 18 marta 1888 g. [N.N. Strakhov's Letter to V.V. Rozanov. March 18, 1888.], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev* [Collected Works. Literary outcasts: N.N. Strakhov, K.N. Leontiev]. Moscow: Respublika, 2001, pp. 9–11.

6. Pis'mo V.V. Rozanova k E.L. Radlovu ot 1889 g. [V.V. Rozanov's Letter to E.L. Radlov, 1889], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2016]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017, pp. 513–514.

7. Pis'mo E.L. Radlova k V.V. Rozanovu ot 15 fevralya 1889 g. [E.L. Radlov Letter's to V.V. Rozanov, February 15, 1889], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2016]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017, pp. 514–515.

8. Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy. Literaturnye izgnanniki: N.N. Strakhov. K.N. Leontiev* [The collection of essays. Literary outcasts: N.N. Strakhov. K.N. Leontiev]. Moscow: Respublika, 2001. 477 p.

9. Rozanov, V.V. Blez Paskal'. Mysli (O religii). S predisloviem Prevo-Paradolya. Izd. 2, ispr. Moskva, 1899 [Blaise Pascal. Thoughts (On Religion). With a preface by Prévost-Paradol. Second edition, corrected. Moscow, 1899], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy. Yudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901* [Collected Works. Judaism. Articles and Essays 1898–1901]. Moscow: Respublika; Saint-Petersburg: Rostok, 2009, pp. 267–268.

10. Rozanov, V.V. Opavshie list'ya. Korob vtoroy [The Fallen Leaves. Box Two], in Rozanov, V.V. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 421–629.

Individual Works

11. Alymova, E.V. Predislovie perevodchika [Translator's preface], in *Aristotel'. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati* [Aristotle. Protreptic. On Sense Perception. About memory]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2004, pp. 3–17.
12. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, pp. 26–213.
13. Bibikhin, V.V. K perevodu «Metafiziki» Aristotelya [On the Translation of Aristotle's Metaphysics], in *Aristotel'. Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, pp. 7–18.
14. Caesar Gaius Julius. *Commentarii de bello Gallico*. Venetis, 1519, pp. 3–112.
15. Ehrlich, Eugene, Flexner, Stuart Berg, Carruth, Gorton, Hawkins, Joyce M. *Oxford American Dictionary*. New York: Oxford University Press, 1982. 1095 p.
16. Girtsiiy, A. Zapiski o Gall'skoy voyne [Notes on the Gallic War], in *Zapiski Yuliya Tsezarya i ego prodolzhatel'ey o Gall'skoy voyne, o Grazhdanskoy voyne, ob Aleksandriyskoy voyne, ob Afrikanskoy voyne* [Notes of Julius Caesar and his successors on the Gallic War, the Civil War, the Alexandrian War, and the African War]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1948, pp. 189–190.
17. Gottschalk, H.B. The Earliest Aristotelian Commentators, in Sorabji, R. (ed.). *Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence*. London, 1990, pp. 55–81.
18. Kandinskiy, V. Tochka i liniya na ploskosti [Point and line on a plane], in *Kandinskiy, V. Tochka i liniya na ploskosti* [Point and line on a plane]. Saint-Petersburg, 2001, pp. 194–350.
19. Kastorskiy, M.N. Vstuplenie [The Introduction], in *Kategorii Aristotelya na grecheskom i russkom yazykakh* [Aristotle's Categories in Greek and Russian]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1859, pp. II–XVII.
20. *Novyy anglo-russkiy slovar'* [New English-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1994. 880 p.
21. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az' Ltd., 1992. 960 p.
22. Petrova, G.Vs. (ed.) *Latinsko-russkiy slovoobrazovatel'nyy slovar'* [Latin-Russian word-formation dictionary]. Moscow: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2008. 704 p.
23. Rezykh, T.N. <Vstuplenie>. *Perepiska V.V. Rozanova i E.L. Radlova* [The Introduction. Correspondence between V.V. Rozanov and E.L. Radlov], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016* [Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017, pp. 500–512.
24. Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki. T. 1. S portretom* [Literary Exiles. Vol. 1. With Portrait]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva A.S. Suvorina, 1913. 531 p.
25. Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki: Vospominaniya. Pis'ma* [Literary Exiles: Memories. Letters]. Moscow: Agraf, 2000. 368 p.
26. Rozanov, V.V. Predislovie perevodchikov [Translators' Preface], in *Aristotel'. Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, pp. 19–26.
27. Rozanov, V.V. *Ital'yanskie vpechatleniya* [The Italian Impressions]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa-1900, 2020. 400 p.
28. Solopova, M.A. Aristotelya komentatory [Aristotle's commentators], in *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008, pp. 175–184.
29. Stypuła, R., Kowalowa, G. *Słownik Polsko-Rosyjski*. Warszawa; Moscow, 1975. 840 p.
30. Sukach, V.G. Kommentarii [Comments], in *Aristotel'. Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, pp. 215–221.
31. Voronkov, A.I., Ponyaeva, L.P., Popova, L.M. *Latinskoe nasledie v russkom yazyke: Slovar'-spravochnik* [Latin Heritage in the Russian Language: A Dictionary and Reference Guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. 432 p.

(Articles from Scientific Journals)

32. Egorova, O.S. Istoricheskiy obzor russkikh biografiy Aristotelya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.) [Historical overview of Russian biographies of Aristotle (second half of the 18th – early 20th centuries)], in *Idei i idealy*, 2023, vol. 15, no. 4, part 1, pp. 40–55.

33. Iz Aristotelevoy piitiki. O kritike i o sposobe otvechat' na nee [From Aristotle's Poetics: On Criticism and the Method of Responding to It], in *Trudy Obshchestva Lyubiteley Rossiyskoy Slovesnosti pri Imperatorskom universitete. Chast' 16. Letopisi obshchestva, god IV* [Proceedings of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial University. Part 16. Chronicles of the Society, Year IV]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1819, pp. 160–170.

34. Rozanov, V.V. Paskal' [Pascal], in *Chelovek*, 2001, no. 4, pp. 76–98.

(Monographs)

35. Afonasin, E.V., Afonasina, A.S., Shchetnikov, A.I. *Pifagoreyskaya traditsiya* [Pythagorean tradition]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2014. 747 p.

36. Katkov, M.N. *Ocherki drevneyshego perioda grecheskoy filosofii* [Essays on the Ancient Period of Greek Philosophy]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1853. 156 p.

37. Reyser, S.A. *Paleografiya i tekstologiya Novogo vremeni* [Paleography and textual criticism of the New Age]. Moscow: Prosveshchenie, 1970. 336 p.

38. Shevelyuk, A.M. *Prepodavateli Eletskey gimnazii* [Teachers of the Yelets Gymnasium]. Elets, 2009. 101 p.